

Видимое невидимое в экономическом развитии (сельского) Китая¹

Рецензия на книгу: Лань Сяохуань. Видимая рука: государство и экономическое развитие в Китае / Пер. с англ. и кит. под науч. ред. И. Чубарова. М.: Издательство Института Гайдара, 2025. 488 с. ISBN 978-5-93255-698-6

И. В. Троцук

Ирина Владимировна Троцук, доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. Просп. Вернадского, 82, Москва, 119571. E-mail: irina.trotsuk@yandex.ru

EDN: IQEMKC

В последние годы в России публикуется все больше работ, посвященных разным аспектам жизни китайского общества. Если в первые постсоветские годы это были преимущественно отечественные исследования с акцентом на возможностях и ограничениях китайского опыта применительно к преобразованиям российского общества (включая отсылки к противоположной исторической ситуации в первой половине XX века — когда китайское руководство опиралось на советскую общественно-политическую модель), то сегодня публикуется все больше переводных (с китайского и английского языков) книг. Вероятно, чаще всего это историко-экономические исследования, различающиеся политико-идеологическими оценками прошлого и настоящего китайского общества, но встречаются и весьма своеобразные издания, например, не вполне удачная попытка краткого изложения социальной истории современного Китая в учебном формате². Или интереснейший вариант осмысления риторической истории (жанровых сетей как политического института, который воспроизводился через образовательные, теоретические и бюрократические средства) раннего императорского Китая с помощью деколонизального (принципиальный отказ от западной риторики и «наследия европейского колониализма, включая расизм,

-
1. Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС
 2. Ван Сюй, Виватенко С. В., Петров А. В., Сиволап Т. Е. (2025). История и социология современного Китая / Под науч. ред. А. А. Петровой. СПб.: Алетейя.

капитализм, структурализм, одноязычность, линейную временность и академическую дисциплинарность», в пользу «местных знаний и практик смыслообразования») и транснационального (исследование способов репрезентации, которые использовались для установления этнической, расовой, гендерной, колониальной и эстетической иерархии) подходов³. Или вышедшая в серии «Китайский новаторский марксизм» книга, в которой «на основе марксистско-ленинских позиций рассматриваются социальные, политические и экономические явления, реально существующие в нынешнем социалистическом Китае» — «только эта великая страна отстояла свой социалистический режим и провела радикальные социальные реформы... — народная, социалистическая КНР»⁴. Причем дискурсивный формат описания этих явлений напоминает передовицы советских газет: «пусть все молодые товарищи станут настоящими коммунистами»⁵; «отношение к И. В. Сталину — лакмусовая бумажка, определяющая, является ли человек настоящим левым ученым»⁶; «В. И. Ленин был вечным горным орлом угнетенного народа»⁷; «сама практика коммунистического строительства является мощным и решающим аргументом в пользу правильности марксистско-ленинской доктрины», и «какими бы ни были махинации буржуазии и ее агентов, достижения социалистического Китая оказывают все большее влияние на идеологию трудового народа капиталистических стран»⁸; «классовая и линейная борьба в Китае будет... затяжной — нарождающаяся буржуазия и ее аппаратчики смирились с ограничениями, наложенными на них диктатурой пролетариата, и мечтают свергнуть их и обрести капиталистический рай... распад социалистического лагеря в Европе — это глубокий урок, который заслуживает большой бдительности»⁹ и т.д.

Многочисленные исследования китайского общества будут интересны и полезны тем, кто занимается вопросами аграрной экономики и сельской социологии, но редко посвящены их профильной проблематике, особенно исторические работы, где крестьянство обычно упоминается как источник массовой поддержки или, напро-

3. Ю Сяо. (2024). Жанровые сети и империя. Риторика в раннем императорском Китае / Пер. с англ. А. Швадковой. СПб.: Academic Studies Press/Библиороссика.

4. Ли Чжэожу. (2022). Китаизация марксизма и новая эпоха: политика, общество, культура и идеология. М.: Родина, 2022. Книга заявлена как написанная в честь столетия основания СССР, однако содержательно представляет сборник ранее подготовленных авторских текстов, прежде всего выпускных работ в бакалавриате и магистратуре социологического факультета МГУ, но также и ряда научно-публицистических статей.

5. Там же. С. 10.

6. Там же. С. 363.

7. Там же. С. 397.

8. Там же. С. 39.

9. Там же. С. 425.

тив, протеста в отношении конкретных политических сил, а сельские территории — в контексте общей характеристики китайского общества на определенных этапах исторического развития. Вот один такой пример, показательный для понимания, какой феноменальный скачок сделал сельский Китай всего за столетие: «Сельское хозяйство, производящее самую большую часть валового внутреннего продукта, находилось в состоянии стагнации (1928–1937). Феодалное устройство китайской деревни, помноженное на слишком большое количество крестьян и недостаток плодородных земель, не создавало предпосылок к поступательному развитию. Часть крестьян вообще не имели собственных наделов, у других эти наделы были просто крохотными, что приводило к необходимости арендовать землю у помещиков, чей менталитет не менялся на протяжении как минимум тысячелетия. Сложившаяся система взимания арендной платы была настолько изощренной, что даже в урожайный год крестьяне едва сводили концы с концами, а если вдруг выпадал неурожай, то доведенные до крайнего отчаяния люди устраивали угнетателям “суд Линча”. Однако в таком случае предусмотрительные помещики бежали из своих имений, оставляя на растерзание голодной толпе управляющего или же одну из многочисленных жен. Возвращались они с отрядом полиции и вооруженными до зубов наемниками, восстанавливая закон и порядок самыми жестокими методами»¹⁰ (типичная ситуация для большинства феодальных систем прошлого).

Прицельная модернизация сельского хозяйства (наряду с промышленностью, наукой и оборонной промышленностью в рамках программы «Четыре модернизации») началась в Китае только в 1970-е годы, когда «Дэн Сяопин вернул китайским крестьянам землю и свободу, в кратчайшие сроки распустив коммуны (созданные в 1949 году)... и решительно покончив с коллективизацией»¹¹. Прагматический подход Дэн Сяопина к реформированию китайского общества нередко иллюстрируется примерами из сельской жизни: когда после «Пекинской весны» местное руководство разрешило нескольким десяткам крестьянских дворов взять землю и выращивать на ней все, что те хотели, а урожай — не сдавать государству, а продавать на рынке, и в итоге через год урожайность этих хозяйств выросла в 2,5 раза по сравнению с той, что показывала коммуна¹². «О результатах столь смелого по тем временам экономического эксперимента в области сельского хозяйства стало известно Дэн Сяопину — и он немедленно сделал выводы... дав народу проявлять инициативу на местах, а в Пекине лишь оценивали результаты. В итоге принималось решение, какие из народных инициа-

10. Каплан А. (2025). Китай в XX веке: от рисовых полей до атомной бомбы. М.: Эксмо. С. 162–163.

11. Там же. С. 672.

12. Там же. С. 671–672.

тив могут стать полезными в масштабах всего государства, после чего их внедряли в экономическую и политическую жизнь. В СССР же в эпоху перестройки все инициативы спускались исключительно сверху, из Москвы, и в большинстве своем они были далеки от потребностей на местах»¹³.

Книга Лань Сяохуаня «Видимая рука» заявлена в аннотации как «китайский политэкономический бестселлер... в котором впервые системно объяснен механизм функционирования экономики КНР... доступным языком» (с. 4), и содержит мало отсылок к сельским сюжетам, однако развенчивает ряд устойчивых научно-популярных мифов об особенностях китайской экономической системы и вызовет у компетентного российского читателя невольные ассоциации с нашими реалиями в целом и проблемами сельских территорий в частности. В предисловии научный редактор представляет важные содержательные акценты, чтобы читатель понимал, чего ему ожидать: «нетипичная китайская книга по экономике, в ней совсем немного ссылок на решения партийных съездов и цитат из программных выступлений профильных руководителей, концептуальной рамкой выбран не марксизм-ленинизм и его официальное развитие в виде теории социализма с китайской спецификой, а макро- и микроэкономический анализ, положенный на добротню собранную фактуру китайского госуправления» (с. 9); книга, которая «писалась китайцем для китайцев, без расчета на международную аудиторию» (с. 11); «одна из ключевых линий повествования связана с земельными отношениями» (с. 12); автор «не может быть назван исключительно нейтральным... в первую очередь он видит себя в качестве квалифицированного дешифровщика логики функционирования и системных связей, но... в ряде случаев не стесняется критиковать, пусть и не напрямую, подходы китайских властей... в проблемных точках для большинства жителей Китая — цены на недвижимость и доступ к государственной системе образования и здравоохранения» (с. 13). «Лань Сяохуань оппонирует сразу двум популярным в Китае экономическим течениям. Во-первых, он откровенно критикует экономистов, которые пытаются изучать Китай с помощью механического применения популярных западных теорий... считая этот инструмент неподходящим для Китая, так как тот предназначен для анализа процессов в зрелых рыночных государствах. Во-вторых, автору явно не нравится засилье эконометрики и статистических моделей, которые позволяют получить “красивый график” (хотя графики представлены в книге), но мало что могут объяснить с точки зрения внутренних причин наблюдаемых процессов... в противовес предлагается качественная отраслевая экономическая аналитика, кейс-стади и учет организационных и культурных особенностей системы госуправления» (с. 13–14).

13. Там же. С. 672.

В предисловии к русскому изданию автор делает важное для заинтересованного российского читателя уточнение относительно особенности китайской экономико-управленческой модели — «активность региональных властей, а также постоянно меняющаяся динамика центр-региональных отношений. Громадная территория и численность населения, помноженные на культурно-поведенческие различия, делают невозможным управление путем рассылки распоряжений из одного центра» (с. 21) (что созвучно российской ситуации и подходам к ее научному осмыслению). Фактически основная тема книги — привлечение финансирования и инвестиционная политика местных властей: в первой части эта проблематика представлена в микроэкономическом контексте распределения полномочий, источников доходов и статей расходов региональных властей, во второй части — в макроэкономическом контексте государственного регулирования внутренних социально-экономических дисбалансов и глобальных внешнеторговых противоречий. В тексте представлены многочисленные примеры из новейшей китайской истории и проведены интересные межстрановые сравнения, однако российского читателя, специализирующегося на сельской проблематике, вероятно, заинтересуют две неявные сюжетные линии — имплицитные параллели с российскими реалиями и сельские «зарисовки» (своего рода российские сельские «аналоги» китайских противоречий ускоренной урбанизации и индустриализации), причем обе линии встречаются в обеих частях книги — микро- и макроэкономической.

Что касается китайско-российских «параллелей», то в тексте постоянно встречаются высказывания, где Китай вполне можно заменить на Россию в плане постановки исследовательских вопросов и констатации существующих проблем, например: «Масштабы Китая поистине грандиозны... по размеру территории и экономическим показателям он сопоставим с крупным континентом, а каждая его провинция как немаленькое государство. Однако при этом различия между ними столь же огромны... провинции отличаются колоссальным разнообразием обычаев, географических условий и культурных особенностей... Все эти факторы делают эффективное государственное управление крайне непростой задачей... В Китае это как иерархия соподчиненных по вертикали уровней власти, так и горизонтальные взаимоотношения между административными единицами одного уровня» (с. 31–32). Россия значительно отстает от Китая по показателям численности населения, масштабам и темпам технологического развития, но близка по критерию регионального разнообразия и болевым точкам в системе государственного управления: сложная динамика взаимоотношений между центральной и региональной/местной властью, в том числе с точки зрения общей идеологии экономического и политического развития; воспроизведение единой структуры на всех уровнях госуправления (вертикально-горизонтальные отношения

и модели множественного подчинения); не вполне четкие правовые границы полномочий и ответственности ведомств, что усложняет решение межведомственных и межрегиональных задач; проблемы создания и поддержания профессиональной многоуровневой бюрократической системы в логике веберовской модели рационального управления (с. 35–42).

Другая параллель с Россией — сложное положение периферийных районов вдали от городских агломераций. В России это, как правило, отдаленные от крупных городов и районных центров сельские территории, а в Китае — «отстающие в развитии... районы, расположенные на стыках административных единиц... особенно на стыках границ между провинциями», т.е. вдали от их административных центров с наибольшей плотностью населения и максимальной экономией от масштаба. В книге приводится российский аналог китайского названия таких районов — «медвежьи углы», «не интересные ни центральному, ни провинциальному, ни низовому руководству» (с. 55–56).

Российские и китайские реформаторы следуют схожей модели региональной интеграции — опираются на городские округа, интегрируя городскую и сельскую местность, и по мере реализации такой модели урбанизации сталкиваются с общей проблемой — «увеличением разрыва между городскими районами (основа хозяйства — промышленность) и сельскими уездами (сельское хозяйство) по уровню получаемых общественных благ и услуг» (с. 61). Автор видит два возможных решения этой проблемы: либо усиление автономии местных сельских властей и ослабление их связей с городскими районами, либо расширение городской территории за счет преобразования сельских уездов в городские районы. По крайней мере пока Китай и Россия выбирают второй вариант — как более экономически выгодный благодаря экономии от масштаба использования существующей инфраструктуры, но он порождает множество других проблем. «Региональные власти не только создают благоприятную среду для экономического развития, но и сами глубоко задействованы в этом процессе, причем наиболее выпукло это проявляется в вопросах привлечения инвестиций» (с. 87), однако региональным властям приходится конкурировать друг с другом — и за государственное финансирование, и за корпоративных инвесторов.

Конечно, российская и китайская экономики принципиальнейшим образом различаются по своим микро- и макро-механизмам, но вряд ли к российской ситуации неприменима высказанная автором оценка китайской экономики — как «смешанной, не соответствующей простому разделению задач между государством и рынком из учебников по экономике, где первое отвечает за предоставление общественных благ, а второй — за размещение всех остальных ресурсов... В рамках реальной китайской модели экономического развития государство и связанные с ним структуры глу-

боко вовлечены в большинство звеньев производства и распределения. Понять китайскую экономику невозможно без понимания роли государства» (с. 91).

Прямые сельские сюжеты в книге достаточно редки, поскольку второстепенны для создания обобщающей картины происходящего в китайском обществе на протяжении последних десятилетий, а когда встречаются, то также порождают стойкие ассоциации с российскими реалиями. Так, сельские территории упоминаются прежде всего в контексте объяснения сложившейся в Китае системы земельной ренты: земля разделена на две большие категории — государственную в городах (может использоваться для коммерческой — торговой, промышленной или жилой — застройки, поэтому ее рыночная стоимость значительно выше сельскохозяйственной земли) и коллективную в сельской местности (может использоваться только для ведения сельского хозяйства), и сложилось «жесткое разделение между городской и сельской землей... в итоге огромный разрыв между сельским и городским землепользованием, заоблачные цены на жилье и т.д.» (с. 118). Помимо налогов, административные единицы всех уровней могут использовать и земельные инструменты привлечения инвестиций: с одной стороны, городские власти оказались в более выгодном положении с точки зрения стоимости земли, с другой стороны, слишком злоупотребляют этим инструментом и потому высок их уровень закредитованности.

Коллективная земля в Китае разделена на три основные категории: сельскохозяйственная, частные придомовые участки и участки для хозяйственного строительства (с. 301–302). С 2015 года началось реформирование правового регулирования всех трех категорий, и акцент сделан, во-первых, на учет имеющихся наработок на местах. Например, внедренная в Чунцине система земельных сертификатов (переехавший в город крестьянин мог перевести свой пустующий придомовой участок в сельскохозяйственный статус, получить сертификат и обменять его на аналогичную величину ежегодной квоты на строительство недвижимости в городе) позволила предотвратить резкий рост цен на жилье, характерный для других городов, куда устремились трудовые мигранты из сельских районов (с. 303). Во-вторых, на необходимости соблюдения всеми нововведениями трех принципов: «сохранение общественной (не частной) собственности на землю, недопущение сокращения площади пашни ниже установленного уровня и приоритет интересов сельских жителей» (с. 304).

Сельские территории Китая (как и в России) не получили особых выгод от фискальной реформы, перераспределившей налоговые поступления между центром и провинциями: «Вышестоящие уровни обладают большей властью, поэтому получилось так, что чем ниже административный уровень, тем меньше у него ресурсов и больше обязанностей. В конце 1990-х годов... даже бытовала

И. В. Троцук

Видимое невидимое
в экономическом
развитии (сельско-
го) Китая

присказка: «Центральная казна процветает, провинциальная держится, городская шатается, уездная плачет, а волостная пуста»» (с. 132). В результате была поставлена задача решения «трех сельских проблем» — «крестьяне страдают, деревня бедствует, а сельское хозяйство в опасности» (с. 133): начатая в 2000 году реформа налоговой системы в сельской местности запретила местным властям произвольно вводить новые сборы, перекладывая свои расходы на население, отменила большинство обременительных для крестьян сборов и налогов, с 2006 года был полностью отменен сельскохозяйственный налог. «Принятые меры способствовали росту благосостояния и доходов крестьян и сократили имущественное неравенство в деревне» (с. 134), но не неравенство возможностей между городом и деревней, откуда в города хлынул поток трудовых мигрантов, в основном молодежи, тем более, что в современной экономике в принципе сильно проявляется «эффект агломерации» — хозяйственная деятельность все больше концентрируется в крупных городах» (с. 277).

С одной стороны, реализуемая в Китае модель ускоренной индустриализации и урбанизации на основе мобилизации местными властями своих земельных ресурсов не могла не породить множества серьезных проблем, часть из которых усилили разрыв в уровне жизни между городом и деревней: «массовая коррупция в земельных сделках; низкокачественная, экстенсивная модель урбанизации, ориентированная на массовую застройку вместо повышения качества жизни; отставание здравоохранения и образования; резкий рост региональных долгов; взлет цен на жилье (особенно в крупных миграционно привлекательных городах, где рост предложения земли под жилую застройку существенно отстает от прироста населения)» (с. 268–269). С другой стороны, сокращение сельских налогов не могло не сказаться на доходной части низовых бюджетов, которым и так было трудно сводить концы с концами, поэтому следующим шагом стало предоставление базовых общественных благ и услуг в сельской местности в рамках совместных финансовых обязательств центра и регионов.

Многие выводы и предложения автора вполне применимы к российской ситуации, в том числе на сельских территориях, хотя далеко не со всеми можно согласиться, если мы хотим сохранить сельские поселения, пусть и в социально-культурном, и не в экономико-хозяйственном смысле. Безусловно, «реформа госуправления должна идти по пути сокращения регулирования и делегирования полномочий вниз, а основные усилия государства — сместиться со стимулирования инвестиций на обслуживание населения» (с. 198). Видимо, «для сокращения межрегионального неравенства необходимо выравнивать не абсолютные показатели, а подушевые... Не может каждый город стать Пекином или Шанхаем, невозможно и не нужно пытаться создавать внутри страны все новые промышленно-логистические кластеры масшта-

ба дельты Янцзы и Жемчужной... В идеальной ситуации регионы страны должны быть сбалансированы между собой по подушевым показателям, важнейшим механизмом чего и является обеспечение свободного перемещения рабочей силы» (с. 297). Сомнительно (по крайней мере российская система регистрации по месту жительства не требует того «освобождения», что подразумевает китайская система городской прописки), что «государству необходимо стимулировать переезд сельских жителей на работу в города, особенно крупные, где благодаря размеру рынка и более глубокому разделению труда даже работники с низкой квалификацией могут достичь более высокой производительности и дохода» (с. 298). Конечно, «увеличение территории и плотности населения городов... помогает развивать внутривосточное разделение труда: одни регионы могут специализироваться на высокотехнологичном производстве, другие — на более простом; одни — развивать крупномасштабное сельское хозяйство, а другие — экологический туризм. Если каждый регион будет развивать экономическую модель на основе своих естественных преимуществ, это приведет к повышению производительности и доходов в масштабах страны. Причем средние доходы вырастут даже в регионах, специализирующихся на сельском хозяйстве» (с. 299). Кстати, категорически отвергая панические прогнозы о конечности ресурсов роста городов, автор рассуждает в логике классического социологического сельско-городского континуума: «свободное перемещение населения означает, что люди могут не только приезжать, но и уезжать: если издержки от перенаселенности превысят привлекательность городской жизни, начнется постепенный отток населения» (что мы наблюдаем в контексте российского дачного движения среди пожилых когорт) (с. 299–300).

И, наконец, читателю (в любой стране) будет импонировать та прагматичная версия национально-ориентированного девелопментализма, которую автор формулирует в заключительных разделах книги: «нужно помнить, что цель не тождественна процессу — то, что сегодня эффективно работает в развитых странах, может не подойти развивающемуся Китаю (и любой другой стране)... ситуация постоянно меняется, и то, что помогло нам в прошлом, может не сработать сегодня... В стремлении к развитию мы должны исходить из реальных фактов, предметно анализировать конкретные проблемы, отбросить идеологическую зашоренность и найти путь, подходящий именно нам» (с. 422). Ссылаясь на американских историков, автор подчеркивает, что «в успешных странах экономическая политика всегда не идеологична, а прагматична (что вряд ли ожидаешь услышать от китайского экономиста, работающего в Китае), она конкретна и не абстрактна» (с. 459), причем авторский прагматизм гуманистичен — «нет ничего более величественного, чем просто делать жить лучше» (с. 464).

Review of the book: Lan Xiaohuan. The Visible Hand: The State and Economic Development in China [How China Works]. Transl. from English and Chinese, ed. by I. Chubarov, Moscow: Gaidar Institute Publishing House, 2025. 488 p.

Irina V. Trotsuk, DSc (Sociology), Senior Researcher, Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Vernadskogo Prosp., 82, Moscow, 119571, Russia. E-mail: irina.trotsuk@yandex.ru

14. The article was written on the basis of the RANEPA state assignment research program